

О рассказе К. Федина "Рисунок с Ленина"

автор Арон Шефтелевич Гурштейн

Экспортировано из Викитеки 19 сентября 2024 г.

Арон Гурштейн

О рассказе К. Федина

«Рисунок с Ленина»*

- Статья опубликована в журнале «Новый мир» № 8, 1940.

Источник: А. Гурштейн. Избранные статьи. М.: Советский писатель, 1959. С. 202—206.

Сканирование: А. А. Гурштейн.

Константин Федин написал небольшой, но очень хороший рассказ о Ленине. Пушкин когда-то говорил, что проза «требуется мыслей и мыслей». Маленький рассказ Федина безусловно отвечает этому пушкинскому требованию.

Сюжетная ткань рассказа очень проста. Действие, если тут вообще можно говорить о действии,

происходит в первые годы нашей революции, когда шла война с Польшей, в Крыму еще хозяйничал Врангель и «вражеская блокада изнуряла молодую „Советскую землю“. Летним полднем позвонили молодому художнику Сергею Шумилину из редакции и поручили ему отправиться на открытие конгресса Коминтерна, чтобы зарисовать для газеты делегатов и, если представится возможность, — Ленина. Художник с радостью принял предложение. О том, как молодой художник увидел на конгрессе Ленина, и о том, что он переживал, пытаясь Ленина зарисовать, — собственно и рассказывает Федин на протяжении своего маленького рассказа. Почему же рассказ волнует, почему он вызывает такое глубокое раздумье?

Потому что писатель поставил в своем небольшом рассказе очень важные и значительные вопросы. Здесь вновь поставлен вопрос, который, издавна, со времен седой древности, волновал людей искусства — и художников, и эстетиков. Это — тема искусства и действительности, разрешенная у Федина в лирическом плане, в плане стремления художника запечатлеть в искусстве как можно глубже, правдивее и в художественном смысле точнее то единственное, неповторимое и „однократное“, что представляет собой живая действительность. Речь идет о мучительных поисках художественной правды, художественного выражения. Речь идет о тех „муках слова“, о которых нам поведали многие великие мастера и которые иных

даже приводили к художественному „агностицизму“, к тезису о „молчании“ („Silentium“ Тютчева), потому что, по словам того же Тютчева, „мысль изреченная есть ложь“.

Проблема жизненной правды в искусстве, всегда привлекала великих рассказчиков прошлого. Любопытно при этом то, что в качестве примера, на котором эта проблема решалась, здесь часто фигурировало искусство живописи, рисунка, потому, может быть, что в этом искусстве вопрос жизненной правда проступает наглядней, очевидней. О трагических усилиях художника передать на полотне тайну жизненности рассказал нам Бальзак, автор „Неведомого шедевра“. „Задача искусства, — говорил бальзаковский старый мастер, — не в том, чтобы копировать природу, но чтобы ее выразить“. Ту же мысль, только в романтико-мистическом плане проводил и несчастливый герой гоголевского „Портрета“. Как бальзаковский художник стремился запечатлеть на полотне тайну рельефа, которым обладает действительность, так и гоголевский художник мечтал о передаче „пływучей округлости линий; заключенной в природе“. Оба художника мечтали о том, чтоб их произведения сохранили дыхание жизни. Но и бальзаковский, и гоголевский художник — по разным причинам и в разных условиях — оба погибли, не найдя в себе силы осуществить правду в искусстве.

Вот эта старая тема жизненной правды в искусстве, решенная трагически и у Бальзака, и у Гоголя, вновь и совершенно по-новому зазвучала: в рассказе Федина, зазвучала так, как она должна звучать у советского художника: ни на йоту не умаляя высоты и сложности задачи, советский художник знает, что он придет к ее решению, потому что революция бесконечно раздвинула круг наших возможностей. Вот это новое, что вносит рассказ Федина, осложняется и вместе с тем одухотворяется тем, что фединский герой поставил перед собой задачу запечатлеть черты величайшего человека нашей эпохи — Ленина; „Сергей хотел сравнить Ленина с каким-нибудь образом, знакомым из истории или современности, но Ленин никого не повторял. Каждая черточка его принадлежала только ему“.

Когда художник сидел в вагоне трамвая, направляясь к назначенному месту, он „ясно представлял себе, каким легким, непринужденным, светлым, живым будет его рисунок с Ленина“. Но когда перед взором художника оказался живой Ленин (Федин очень скупыми и вместе с тем четкими и точными чертами передает представший перед его героем образ Ленина), художник всем своим существом ощутил огромнейшую сложность и трудность задачи.

„Сергей следил за каждым его шагом. Ему казалось, что он успел заметить очень важные особенности

движений этого невысокого, легкого человека, и уже видел их пойманными карандашом в своем альбоме“.

Но вот Ленин начал говорить.

„Сергей увидел его в движении, передававшем мысль. Вот именно это и мечтал художник изобразить в рисунке. Черты Ленина, несколько минут назад совершенно точно уловленные, как будто исчезли в Ленине-ораторе и заменялись новыми, в непрерывном живом чередовании. Одну за другой отмечал их в памяти Сергей, но они возникали и не повторялись, и он боялся упустить их, и все не решался начать рисовать, и уже не мог бы сказать — что делает: изучает ли жестикуляцию Ленина или слушает его речь“.

Здесь Федин ставит уже новую проблему, с которой сталкивается советский художник: проблему активного участия нашего художника в советской действительности. Речь Ленина захватывает художника своим непосредственным содержанием, потому что Ленин говорит о вещах, дорогих и кровно близких каждому советскому гражданину. Художник, следовательно, перестает быть только наблюдателем своей природы: он непосредственно сопричастен той действительности, которая служит объектом его художественного изображения. Так своеобразно и с большим тактом Федин запечатлевает в художественной ткани своего рассказа ленинский тезис о партийности нашего искусства.

Два небольших эпизода, которые Федин вводит в рассказ, очень дополняют человеческий облик Ленина. Первый эпизод — встреча Ленина с брауншвейгским делегатом, ограниченным и самодовольным обывателем, настойчиво требующим ответа на вопрос: почему у нас закрыты мелочные лавки и где он сможет купить пуговицу, если ему такая понадобится?

„Сначала Ленин был серьезен. Потом заулыбался, прищурился, коротко подергивая головой. Потом отшатнулся, обрывисто махнув рукой с тем выражением, которым говорится: чушь, чушь! Брауншвейгец, жестикулируя, продолжал что-то доказывать. Ленин взял его за локоть и сказал две-три фразы — кратких и каких-то окончательных, бесповоротных. Но брауншвейгец яростно возражал. Тогда вдруг Ленин слегка хлопнул его по плечу, засунул пальцы за жилет и стал смеяться, смеяться, раскачиваясь на ходу, прибавляя шаг и уже больше не оглядываясь на человека, который его так рассмешил“.

Сцена эта, хоть она и оставалась для наблюдавшего ее художника немой, показала ему в Ленине „непринужденность, доступность и беспощадное чувство смешного“.

Во втором эпизоде участвует уже сам художник. Преодолев смущение и боязнь, художник протиснулся к Ленину и решился показать ему рисунок, спрашивая

его мнение. Ленин ответил так, как он часто отвечал в таких случаях: „Не могу судить, я — не художник“, — скороговоркой отозвался Ленин». В глазах Ленина мелькнуло шутивное лукавство, но вместе с тем он ободряюще кивнул молодому художнику. В этом маленьком эпизоде сквозит вся мягкая человечность Ленина; в общении его с людьми.

Так фединскому художнику открывались все новые и новые стороны многогранной природы Ленина. Федин изобразил сложную гамму переживаний своего художника — от отчаяния к надежде, от ощущения того, что «цель, которую себе поставил, ничуть не приближалась», к минутной уверенности в том, что найден «близкий к правде образ».

В своей неудаче молодой художник Сергей Шумилин не был одинок: его учитель, художник, рисовавший Ленина вместе с ним в ложе, пожаловался Шумилину, что у него не получается рисунок с Ленина.

« — У меня тоже, — ответил Сергей и, неожиданно прижав к себе ласковую руку, с жаром договорил:

— Но даю слово, даю вам честное слово — у меня непременно получится!..»

В словах этих не только звучит молодая уверенность в своих силах. Весь рассказ Федина проникнут ощущением великой темы, чувством большой художественной ответственности, чувством

«взыскательного художника». И в этом — важнейший залог победы...

Об этом электронном издании

Эта книга из [Викитеки](#)^[1] — цифровой библиотеки, созданной добровольцами и включающей издания всех типов: прозы, стихов, журналов, писем...

Книги библиотеки доступны бесплатно. В библиотеку включаются издания, находящиеся в народном достоянии, а также опубликованные со свободной лицензией. Вы вправе использовать эту электронную книгу в любых целях (включая коммерческую) при условии соблюдения лицензии [CC BY-SA 4.0](#)^[2] или [GNU FDL](#)^[3] на ваш выбор.

Викитека приветствует новых участников. При создании этой книги мы могли сделать ошибки. Вы можете сообщить о них на [этой странице](#)^[4].

Следующие участники внесли вклад в редакцию этой книги:

-
1. [↑](http://wikisource.org) <http://wikisource.org>
  2. [↑](http://www.creativecommons.org/licenses/by-sa/3.0) <http://www.creativecommons.org/licenses/by-sa/3.0>
  3. [↑](http://www.gnu.org/copyleft/fdl.html) <http://www.gnu.org/copyleft/fdl.html>
  4. [↑](https://ru.wikisource.org/wiki/Викитека:Форум) <https://ru.wikisource.org/wiki/Викитека:Форум>